

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

П.М. Кожин

ИДВ РАН

Доистория сельского самоуправления в Китае

Когда-то в пределах исторического материализма и прилежащих к нему политико-экономических наук, единая схема социально-экономических формаций, которые закономерно, стройно и последовательно сменяли друг друга на пути прогресса, ведущего в безоблачный мир будущего, представлялась идеальным проявлением научного прозрения. Ей оказались подчинены все проявления человеческой организации и самоорганизации. Вопрос о последовательности формационного развития в какое-то время приобрёл огромное политическое значение и даже оказался в центре теоретических споров между национальными компартиями (проблема «азиатского способа производства», М. Годелье и т.д.). Сейчас острота подобных вопросов уходит в прошлое и приходится возвращаться к нормальной работе по изучению политико-экономических (государств) и социально-экономико-духовных сообществ (этнических, религиозных, этнокультурных группировок) как предмета исследовательских интересов определённых реальных отраслей гуманитарно-антропологических и общественных наук. Конечно, начало исследовательским направлениям в этих вопросах должно быть положено «исправлением имён», но прежде необходимо убедиться в том, что сами соответствующие проблемы реальны и требуют практического осмысления (ср.: [2; 5; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 16, с. 15–17, 177–180, 208 и др.; 17; 20, с. 70–91; 21, с. 3–24, 170–197; 22; 25]).

Сельское самоуправление присуще административно-бюрократической системе Китая, буквально, искони. В неолитическое время, судя по наличию определённой систематичности в организации застройки поселений и специфической упорядоченности каждого из

© Кожин П.М., 2014

поселенческих кладбищ, становится ясно, что проблемы управления всеми сторонами жизни совместно проживающего общинного коллектива решались самим этим коллективом¹. При этом материальная культура больших относительно компактных регионов в бассейне нижнего и среднего течения Хуанхэ обнаруживает большое сходство как в форме предметов, имеющих аналогичное применение, так и наборов таких предметов, устройств, организационных рабочих пунктов², что с определённой свидетельствует об изначальной общности той этнической (или шире, этнокультурной) среды, которую эти памятники репрезентировали. Это, в свою очередь, позволяет видеть в такой среде единую языковую общность, которая вне зависимости от своего конкретного состояния (периоды расцвета или распада) способна противостоять внешнему инородному языковому и этническому воздействию, благодаря стойко выработанной грамматической системе, сложившимся нормам речевого общения и многообразным фольклорным текстам, отражающим основные мировоззренческие и миропознавательные проблемы, значимые для данной региональной среды³. При этом необходимо учитывать специфику страны, где плотность заселения была настолько высока, что численные объёмы и властные возможности всех известных пришлых, в этих краях популяций, не могли радикально перебороть автохтонные линии местного развития.

Становление городских поселений в бронзовом веке, хотя и вызвало отток определённых категорий и групп населения из сельской аграрной популяции, вряд ли изменило характер последней. Впрочем, трудно предъявить фактическую основательную документацию этого положения, т.к. систематические полевые работы ведутся в основном в древних городах или в прилегающих к ним местностях. А данные того же *Шуцзина* не позволяют выделить отчётливо группы возможных сельских старост (естественно, что это условное обозначение должности, причём не уточняющее возможные вариации, присущие ей компетенций), которые, судя по количественным показателям, должны были присутствовать, хотя бы на приёмах у чжоуских *ванов*. В то же время современные работы больше трактуют проблемы этих *ванов* и их окружения. Отсюда происходит несколько преувеличенная оценка роли «сильных домов», т.е. богатых обладающих рангами знатности и различными иммунитетами семей (ср.: [26, S. 119–137]), среди представителей которых некоторые специалисты хотят видеть людей, задающих тон и направленность обсуждению социальных вопросов, подготовке реформ и т.п.

Практически, исследователи мало обращаются к тематике сельской среды. Проблема последней может ещё заинтересовать специалистов

лишь когда речь заходит о не-ханьском населении⁴. Фактически при переходе к реальному материалу, касающемуся сельского населения, выявлялась масса возможностей для разнообразных решений вопросов социальных отношений, тогда как при обсуждении проблем всеобщих социально-экономических формаций происходил преимущественно необоснованный переход к однозначным трактовкам и классификациям в пределах всеобщих хронологических, периодизационных, классификационных схем.

Впрочем, учащающиеся случаи находок подлинных древних документов (нарративных текстов) времени Чжаньго и первых Империй в некоторых районах страны позволяют несколько исправить положение в этой области [9, с. 3–11, 21–24; 27, р. 236–263]. Уже по первым же находкам стало понятно, что в администрации шла острая борьба мнений по поводу организации управления вновь присоединённых территорий. Даже, если речь не шла о прямых административных действиях, то рассматривался вопрос о значении в общественной жизни определённых местностей нативных «нравов и обычаев». К примеру циньский документ 227 г. говорит о необходимости искоренения этих явлений [13, с. 337–338]. Вскоре ханьские документы показывают, что в отношении местных нравов и обычаев найдено и окончательно принято в правовых устоях империи совершенно необычное и в то же время предельно эффективное положение: имперская администрация кончается на уровне уезда. А в деревнях устанавливаются определённые основы самоуправления, с которым исследователи сталкиваются уже при изучении царства Цинь в эпоху Чжаньго. Правда, там не обсуждался вопрос об административных узаконенных правилах и правах самоуправляющихся групп. В условиях реформ Шан Яна или, во всяком случае, в работе над их проектом, речь идёт об объединении хозяйств ради утверждения норм коллективной ответственности перед властью, самообороны (вроде бы и от засилья «сильных домов») и количественных порядках таких объединений [6, с. 42–48, 78–80, 94, 97–100 и т.д.]. В ханьском же варианте проглядывают структурные элементы той системы, которая получила окончательное оформление в период династии Тан, а затем просуществовала до самого завершения периода имперского традиционного Китая (т.н. «Священный эдикт Кан Си», афоризм 15; см. [1; 4, с. 271, 272, 455; 18, с. 281–284, 296–302]). Исследователи изначально сделали акцент на крайне высокой мере ответственности, которая возлагалась на самоуправляющийся коллектив, на его руководителей, начиная с низшего звена и до высшего. Индивидуальная ответственность сочеталась и переплеталась с коллективной. За всё были определены меры ответственности и уровень

наказаний. Каждое деяние, выходящее за рамки компетенции старост семейных групп, дворов и т.д., было подведомственно решениям уездного начальства и более высоких административных инстанций (убийство, воровство, мошенничество, создание «политических и сектантских объединений» и т.п.). Оно рассматривалось только этими последними. Во всех случаях обязанностью поселян и их вожаков (как бы их не называли в разных местностях в разное время) было обязательное информирование уездных властей о любых необычных обстоятельствах в поселении или группе селений. Весь комплекс этих действий, включая применение к ним мер административной ответственности, специалисты сочли за карательные акции и посягательство на «права человека»⁵, не обращая внимания на их административное, законоприменительное положительное действие. Где-то деятельность по информированию властей (чаще она понимается как доносительство) пересекается с компетенциями Цензората. Однако, главное, что проявляется в этом порядке, что он создает стойкие условия унификации и, прямо продолжая объединительные тенденции глав *Хун фань* и *Юй гун* «Книги истории» (*Шаньшу*), приводит в общую систему властную вертикаль государственного управления, соединяя её очень определёнными установками с местным сельским самоуправлением.

Итак, неолитический уровень внутренней консолидации населения посёлков подсказывает, при принципиальной неизменности основной проживающей в регионе популяции, единый путь развития социальных отношений. Самоуправление неолита начинается с посёлка. Посёлок организуется по своим внутренним традиционным правилам. Но эти правила корректируются общей родственной средой, в которой тот или иной посёлок находится. В результате вся система отношений в крупных ареалах или даже регионах приводится в своей основе к достаточно однообразным вариантам.

Эта тема глубоко связана с постановкой проблемы о ханьских дискуссиях, касающихся социального устройства империи и её глубинных и внешних задач, начавшихся ещё с дискуссий «О соли и железе» (81 г. до н.э.), дискуссий в Зале Белого тигра 79 г. н.э., и ряде других менее выразительных, но упомянутых Сыма Цянем и Бань Гу [3, с. 23–24, 158–198, 227–252, 366–372], перешедших в конце династии в так называемые «чистые дискуссии» (ср. в переводе В.В. Малявина [23, с. 229–231] раздел «Речи кварталов и селений» главы XXV *Чжуан-цзы*)⁶, которые современные специалисты часто пытаются ограничить лишь кругом коллективов, причастных к «сильным домам». В действительности круг этих дискуссий как, пожалуй, показал В.В. Малявин [14, с. 145–161; 15, с. 158–183], уходит в глубины

народной среды и связан самой своей сутью с сельским местным поселенческим самоуправлением. И представляется, что именно в них можно увидеть начало нарастающих обширных центростремительных тенденций, во все последующие века охранявших Китай от длительных периодов распада и смуты.

Примечания

¹ Системы родства в Китае изучены казалось бы очень глубоко и серьёзно. Однако, если к этой проблеме подойти с точки зрения биологической истории вида *Homo* в соотношении с социальной, духовной, мыслительной, ментальной деятельностью человечества, то здесь изначально присутствует резкий разрыв между исследованием видового коммунального/коллективного поведения биологической группы пра-людей и древнейших непосредственных представителей человеческого сообщества и последующей социально-родственной системой отношений, утвердившейся в человеческих коллективах (Бунак, 1980, с. 149–209; Кожин, 2011, с. 25–31) и проходившей вместе с этими обособленными коллективами сложный путь создания и утверждения социальных гуманитарных конструкций. В дальнейшем такие коллективы, сохранявшие память о прямом взаимном генетическом биологическом родстве, могут вновь вступать во взаимодействие, приступая к построению могучих социально-политических государственных образований.

² Имеются в виду, части раскопочной площади, на которых обнаруживаются следы каких-либо коллективных видов деятельности, в основном, производственной.

³ Должен подчеркнуть, что все эти констатации указывают на явления и взаимоотношения прошлого и не связаны с глобализационными процессами современности, имеющими к тому же совершенно иную исходную основу.

⁴ Здесь речь идёт не о самоназвании местного населения в эпоху бронзы, а лишь о техническом общеупотребительном термине, позволяющем исследователям отличать группы местного генезиса, от пришлого и стороннего населения (ср.: частные вопросы о значении миграционных процессов в организации и качественных характеристиках жизни на местах новых поселений, см.: Петрова, 2007, с. 58–63; о терминах и подробнее о самоназваниях: Крюков и др., 1983, с. 352–354).

⁵ Обращаться к этому американскому термину времён Войны за независимость и всех трагических политических, социальных и религиозных потрясений конца XVIII в. приходится потому, что круг и глубина исторических знаний, в силу специфики современных тенденций в гуманитарном образовании, быстро сужается. Нынешние суждения о событиях древней и средневековой истории подразумевают переоценку древности с позиций близких к мировоззрениям современности, к тому же сближающихся с сектантскими и анархистскими уклонами. Их политическая значимость была сбережена для наших дней именно американской историографией. Впрочем, кое-какие дополнения в эти «суждения» внесены марксизмом.

⁶ В.В. Малявин в своём переводе сумел ярко охарактеризовать суть представленной Чжуан-цзы философской проблемы, показать её методологическую значимость, но она требует ещё специального глубокого рассмотрения, анализа и обобщения. Единственный момент, связанный с рассматриваемой мною здесь темой – это заголовок данного раздела. Причём, главы, вероятнее всего не аутентичной. *Цю ли чжи янь*, по В.В. Малявину: «Речи кварталов и селений». Речи – это стандартный перевод в подобных выражениях, хотя точнее было бы, по контексту: «разговоры, обсуждения». Это всё остается в пределах словарных статей. Цю, именно прозвание Конфуция, Р.В. Вяткин переводил просто как «Холм» (Сыма Цянь, глава 47). Л.С. Переломов подчёркивает, анализируя прозвище Учителя, что холм был «глинистый». Анализ значительной группы знаков, связанных с данным, приводит к выводу, что, подразумеваемый в *Шаниу*, смысл этого знака «жилой глиняный холм». Причём говорить в связи с этим памятником о каких-то жилых кварталах как-то не вполне корректно. Это древнее долговременное селение, возвышающееся над равнинным ландшафтом за счёт того, что многократные перестройки глинобитных домов на жилой площади селения понемногу повышали его уровень. Это типичное для засушливого пояса низких широт Евразии селение. На Западе евразийской горно-плоскогорной зоны такие жилые холмы земледельческого населения обозначали как «телли» (от арабского – «холм, бугор»). В свою очередь *ли*, в связи с тем же *Шаниу*, в понимании Дж. Легга, это «место жительства, обитания». И тут, скорее по ощущению от подбора слов, чем от их осовремененного смысла, создаётся впечатление сельской округи с её сёлами, деревнями, хуторами и вотчинными владениями. Той самой среды, где насаждалось и утверждалось общинное сельское самоуправление. Я не привожу конкретных ссылок в этом расширенном примечании-комментарии, только потому, что все они общеизвестны.

Литература

1. Асланова М.А. Система *баоцзя* и её трансформация в современном Китае. М., 1986.
2. Бунак В.В. Род Ното: его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
3. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.
4. Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. [Т.4:] Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009.
5. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
6. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Пер., комм. Л.С. Переломова. М., 1968.
7. Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910. Тт. I, II.
8. Кожин П.М. Начальные этапы формирования родственных и социальных коллективов в свете представлений проф. В.В. Бунака об эволюции человека и его сознания (на путях решения загадок Пигмалиона) // Вестник антропологии. Вып. 19. М., 2011. С. 25–31.

9. *Корольков М.М.* Земельное законодательство и контроль государства над землёй в эпоху Чжаньго и в начале раннеимперской эпохи (по данным вновь обнаруженных законодательных текстов). М., 2010.
10. *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
11. *Крюков М.В.* Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972.
12. *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
13. *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
14. *Малявин В.В.* «Чистые суждения» – страницы социальной истории и культуры раннесредневекового Китая (II–III вв.) // Вопросы истории Китая. М., Изд. МГУ, 1981.
15. *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М., 1983.
16. Материалы по экономической истории Китая в раннем средневековье. М., 1980.
17. *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.
18. Народы Восточной Азии. М.–Л., 1965.
19. *Петрова Е.Д.* Структурирование пространства в традиционном китайском доме // Проблемы общей и региональной географии (К 75-летию А.М. Решетова). СПб., 2007.
20. *Писарев А.А.* Проблемы типологии китайской общины (первая половина XX в.) // Вопросы истории Китая. М., Изд. МГУ, 1981.
21. Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994.
22. *Тяпкина Н.И.* Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1984.
23. Чжуан-цзы. Ле-цзы. М., 1995.
24. Чжуан-цзы цзуань цянъ. Сянган, 1962.
25. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1961. Т. 21.
26. *Falkenhausen, L. von.* Archaeology and the Ancient Chinese Lineage // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры / Учёные записки Отдела Китая. Вып. 11. М., 2013. С. 119–137.
27. *Pines Yu.* Reassessing Textual Sources for Pre-imperial Qin History // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры / Учёные записки Отдела Китая. Вып. 11. М., 2013. С. 236–263.